

Сергей Секундант

ФОРМИРОВАНИЕ ФИЛОСОФСКОГО ПОНЯТИЯ СИСТЕМЫ: КЛЕМЕНС ТИМПЛЕР

Наряду с Бартоломеем Кеккерманом, который ввел в философский дискурс понятие системы и сделал его ведущим философским понятием, весомый вклад в формирование нового, систематического направления в философии внес Клеменс Тимплер (1563–1624). Он был вторым по времени, но не по значению представителем этого направления мысли. Макс Вундт называет Тимплера наиболее выдающимся (*bedeutendste*) среди реформаторов метафизики [Wundt 1939: 72]. Однако Вундт обошел стороной вопрос о его вкладе в формирование философского понятия системы. Лео Катана, который в своей работе, посвященной формированию философского понятия системы, отвел Кеккерману целый раздел, лишь упоминает Тимплера в числе тех, кто способствовал популяризации понятия системы [Catana 2008: 180]. Только Ульрих Готтлиб Лайнсле попытался оценить философию Тимплера с точки зрения проблемы формирования методологической традиции в немецкой протестантской теологии. Но и он полагает, что Тимплер следует тому понятию системы, которое обосновал Кеккерман [Leinsle 1985: 355]. Главная задача данной статьи состоит в том, чтобы выяснить действительный вклад Тимплера в формирование философского понятия системы. С этой целью мы попытаемся более подробно изложить взгляды Тимплера на природу и структуру систем философии, а также определить, в рамках какой методологической традиции формировалось систематическое направление.

Тимплерова «Методическая система метафизики» в пяти книгах появилась на свет в 1604 г. Этот труд содержал более 600 страниц основного текста, не считая посвящения и предисловия, к которым Рудольф Гоклений добавил предисловие и разъяснения (схолии), а это еще 127 страниц. По словам Вундта, это был «первый завершенный учебник метафизики такого объема» [ibid.: 74-75]. Поводом к написанию такого фундаментального труда стали напечатанные в 1597 г. *Disputationes metaphysicae* Франсиско Суареса, на которого Тимплер часто ссылается. Следует заметить, что почти все эти ссылки носят полемический характер. Самостоятельностью отмечено не только содержание, но и, как подчеркивает Вундт [ibid.: 75], структура его труда.

© С. Секундант, 2016

«Технология»: наукоучение как пропедевтика и нормативный фундамент системы искусств

Во втором издании, которое было готово уже в 1606 г., к основному тексту добавляется в качестве пропедевтики небольшой трактат «Технология, или общий и полезнейший трактат о природе и различиях свободных искусств» (*Technologia, seu Tractatus generalis et utilissimus, de natura et differentiis artium liberalium*). До 1616 г. этот труд в таком виде выдержал еще три издания.

«Технология» Тимплера состоит из четырех глав. В первой говорится «об определении и причинах свободных искусств, прежде всего внешних», во второй – «о законах формирования внешних свободных искусств», в третьей – «о различиях внешних свободных искусств», в четвертой – «о природе и различиях внутренних свободных искусств». В начале каждой главы формулируются в форме тезисов теоремы, упорядоченные методически. Затем в форме вопросов и ответов обсуждаются проблемы (*problemata*), касающиеся этих теорем. Хотя этот трактат содержал всего 38 страниц, его значение не следует недооценивать. Лайнсле считает, что метод технологии, как и самой метафизики, внешне напоминает аксиоматический. Это, по видимому, дает ему основание утверждать, что Тимплер, включив «Технологию» в качестве пропедевтики в состав философии, фактически передал ей часть полномочий метафизики. «В то время как метафизика, – пишет Лайнсле, – традиционно претендует дать наукам их предмет, их принципы и тем самым также их достоверность, у Тимплера это, по меньшей мере, отчасти вменяется в обязанность *Технологии*» [Leinsle 1985: 354]. «Технология», по его мнению, представляет собой своего рода наукоучение и в этом качестве может отчасти претендовать на статус фундаментальной науки. Ниже мы попытаемся показать, что Тимплер не отдает *Технологии* часть полномочий метафизики. Он не только сохраняет фундаментальный характер метафизики, но еще более подчеркивает его, вынося за ее границы то, что, как он считает, является пропедевтикой к метафизике, понимаемой в строгом смысле как система категорий. «Технология» у него, выступая в качестве пропедевтики, носит не столько теоретический, сколько нормативный характер. В этом можно увидеть первые, еще не совсем зрелые попытки отделить теоретическую систему от ее нормативного фундамента и тем самым придать ей принципиально новый вид.

Как и другие традиционные науки, Тимплер относит «Технологию» к свободным искусствам. Свободное искусство (*ars liberalis*) он определяет как «учение, которое делает человека истинно образованным и ученым» (*doctrina, quae hominem vere literatum et doctum reddit*). Свободному искусству, как это было принято, он противопоставляет «несвободное, или механическое» (*illiberalis, seu mechanica*). Под механическим искусством он понимает такое учение, «которое занимается частями внешнего тела и не делает человека истинно образованным и ученым» [Timpler 1616a: 3]¹. Главным предметом свободных искусств становится, таким образом, человек, а основной целью – сделать его образованным и ученым (и в этом смысле свободным).

---

¹ Ссылки на это произведение в дальнейшем подаются в круглых скобках с указанием сокращения Т (от *Technologia*), а также номеров соответствующей главы, проблемы (теоремы) и страницы. Всякий раз, когда некоторые из этих номеров повторяются подряд, в следующих ссылках они опускаются, приводятся же только различающиеся данные (но аббревиатура Т приводится всегда).

Все искусства Тимплер делит на внешние и внутренние. В этом отношении он следует Кеккерману, который противопоставлял *systema* и *habitus*. Тимплер систему отождествляет со внешним искусством, а практический навык (*habitus*) – со внутренним. Внешнее искусство он определяет через род и цель, как того требовал Кеккерманн, а именно как «методическую систему определенных предписаний о какой-либо вещи, познаваемой и полезной для учености и совершенствования человека» (Т, С.1, Пр.1, р. 4).

Тимплер не скрывает, что такое понимание искусства он заимствовал у стоиков, которые под «системой» понимали «*gem constitutam, compactam et coagmentatam*» («вещь составленную и связанную в единое целое»). Система у него, как и у Кеккермана, должна представлять собой некое органическое единство. Этот греческий термин Тимплер переводит латинским термином *compāges* («связь, спаянность, сплоченность»), производным от глагола *compingere* («сколачивать, сплачивать»). В своей метафизике под системой он понимает «целостный свод учения, собранный воедино из разных частей» (Т, С.1, Пр.2, р. 4). Системой он называет внешнее свободное искусство, тогда как внутреннее искусство у него связано с приобретенной интеллектуальной способностью (*habitus intellectualis*). Термин «систематический» он использует как синоним «выраженный» (“*systematicam seu enuntiatam*”), а термин «способный» – как синоним «понятый» (“*habitualem seu conceptam*”) (Т, С.1, Пр.1, р. 3). Чисто внешне система у него, таким образом, представляет собой систему высказываний. Внешнее искусство, т.е. система, предшествует внутреннему искусству, благодаря которому человек только и становится ученым и способным «искусно размышлять и действовать» (Т, С.4, Th.1, р. 29).

«Методической» Тимплер называет такую систему, которая «не является беспорядочной и запутанной, а хорошо упорядочена и устроена в соответствии с законами метода» (Т, С.1, Пр.2, р. 4). Система у Тимплера была ориентирована на обучение и состояла в методическом связывании нормативных и теоретических положений. У него теряет значение восходящее к Аристотелю противопоставление искусства и науки. Подобно науке, искусство претендовало на то, чтобы дать надежное знание [см.: Schmidt-Biggemann 1983: 35].

Основу системы составляют *praecepta*, имеющие универсальную сферу применения. Они применимы к любой вещи, отвечающей двум условиям: 1) она познаваема и 2) полезна для того, чтобы сделать человека ученым и совершенным (*ibid.*). *Praecepta*, понимаемые в широком смысле, включают в себя не только правила, но и тезисы, и противопоставляются, с точки зрения формы изложения учения, проблемам (*problemata*) или вопросам (*quaestiones*). С точки же зрения «тела» учения *praeceta*, понятые в таком широком смысле, составляют материю учения и противопоставляются методу, составляющему его форму. Хотя в наброске таблицы технологии (*Tabula Technologiae Methodum adumbrans*), помещенной в ее конце в качестве приложения, Тимплер относит к материи искусства согласованные предписания самой природы и соответствующего искусства, он, в отличие от перипатетиков, познаваемую вещь считает предметом учения (*subiectum doctrinale*), а не материей в собственном смысле. Материей в собственном смысле у него являются только предписания, трактующие о познаваемой вещи («*Res enim scibilis, circa quam explicandam quaelibet ars liberalis versatur, non est materia illius proprie dicta, sed subiectum doctrinale: praecepta vero ipsa, quae de re scibili traduntur, proprie dicuntur materia*») (Т, С.1, Пр.7, р. 10). Понятие системы у Тимплера существенно сужается по сравнению с

традиционным словоупотреблением. Для него система – это только система высказываний, которая объясняет вещи, а не система самих вещей. Она не включает в себя также способности или навыки (*habitus*).

Как указывалось, форму системы составляет метод, а точнее, «методическое расположение предписаний» (*methodica dispositio praeseptorum*) (*ibid.*). Трактовка метода как расположения высказываний указывает на связь Тимплера учения с рамистской традицией. Согласно Тимплеру, именно метод, определяющий форму всякого искусства, делает искусство искусством. Метод у него конституирует систему внешних искусств либо из причин, либо из законов.

Говоря о причинах искусств, Тимплер опирается на аристотелевское учение о четырех причинах. В качестве материальной причины искусства у него выступают *praesepta*, понимаемые в широком смысле, а в качестве формальной – метод, в качестве же высшей цели (*simpliciter ultimus*) – «слава Божия, которую должны продемонстрировать искусства» (*gloria dei per artes illustranda*), а вспомогательной по отношению к ней (*secundum quid ultimus*) – определенное совершенство человека. Первой действующей причиной внешних искусств Тимплер называет Бога, а вторичные действующие причины он делит на главные и неглавные. К главным он относит «одаренных и мудрых людей», неглавные же он в свою очередь делит на побуждающие (человеческая нужда и необходимость) и инструментальные. К инструментальной причине внешних искусств Тимплер относит внешние чувства, наблюдение и опыт, доступные чувствам, размышления ума и индукцию. Тимплер воспроизводит основной тезис эмпириков: «*Nihil enim cadit sub intellectum humanum nisi prius aliquo modo fuerit sensu perceptum*» (Т, С.1, Пр.5, р. 7). Как и для Аристотеля, чувства служат исходным пунктом познания, но познание к ним не сводится. Искусство он, подобно Аристотелю, ставит выше опыта, приводя аналогичные аргументы: оно, во-первых, познает недоступные чувствам причины, игнорируемые эмпириком, во-вторых, искусству можно обучить, а эмпирик передать свой опыт не может и, в-третьих, опыт представляет собой знание чувственное (*notitia sensitiva*), а искусство – знание интеллектуальное (*notitia intellectiva*) (Т, С.1, Пр.6, р. 9).

Несмотря на это, Тимплер старается отмежеваться от Аристотеля. Он, в частности, указывает, что его понятие свободного искусства не совпадает с аристотелевским понятием науки. Всякое искусство у Тимплера состоит не только из принципов, но и из выводов. Оно есть не только *habitus*, но прежде всего система предписаний, с помощью которых вырабатываются соответствующие практические способности. Тимплер подчеркивает, что аристотелевское понятие τέχνη неприменимо к свободным искусствам, а данная Аристотелем в 6-й книге «Никомаховой этики» классификация наук на основе способностей не соответствует его понятию системы (Т, С.4, Пр.4, р. 35). Кроме того, его классификация способностей отличается от аристотелевской. Хотя опыт Тимплер характеризует в духе Аристотеля, он его, в отличие от последнего, относит к инструментальным причинам.

Система внешних искусств формируется не только из причин, но также с помощью законов, которые определяют их правильность и добротность (*bonitas*) (Т, С.2, Пр.1, р. 12). Законы Тимплер трактует в духе рамистской традиции как «нормы, посредством которых следует формировать свободные искусства, и нормы, посредством которых их следует проверять (*examinandae*). Грубо говоря, это – «правила и нормы суждения» (*ibid.*). А именно, они суть правила, в соответствии с которыми мы должны действовать, и нормы, в соответствии с которыми мы оцениваем как

наши действия, так и их продукты. Согласно Тимплеру, нормы, в соответствии с которыми формируется искусство, и нормы, в соответствии с которыми проверяется уже сформированное искусство, должны быть одними и теми же. Необходимость при создании искусства руководствоваться законами он аргументирует тем, что без законов нельзя было бы ни допустить, ни доказать никакого заблуждения. Но главный аргумент состоит в том, что «все в мире происходит правильно только в том случае, если оно происходит в соответствии с определенными законами, которые предписывает либо природа, либо здравый рассудок (*recta ratio*), либо слово Божие» (Т, С.2, Пр.5, р. 16). Указанные выше три источника законов еще раз подчеркивают стремление Тимплера примирить науку и религию, что характерно было для многих его современников.

Законы он также делит на главные и неглавные. Главные законы он разбивает на два класса. Законы первого класса формируют цель и предмет искусства, а законы второго класса рассматривают материю и форму искусства. Законов первого класса пять, из них первые три касаются цели искусства, а вторые два – его предмета. Согласно первому закону, всякое искусство должно иметь свою адекватную цель, т.к. всякое искусство было изобретено ради какого-либо блага. Второй закон указывает, что этой целью искусства должно быть какое-либо совершенство человека, к которому оно должно приводить. Третий закон требует, чтобы искусство давало достаточно полезных и необходимых средств для достижения этого совершенства. Согласно четвертому закону, всякое свободное искусство должно иметь свой определенный и адекватный предмет, объяснением которого оно занимается. Пятый закон гласит, что в качестве такого предмета должно выступать нечто познаваемое, необходимое и полезное (Т, С.2, Th.5-9, р. 11). Свои законы Тимплер пытается обосновать. В подтверждении того, что предметом искусства должно быть что-либо определенное, он приводит разные доводы. В частности, он указывает на то, что всякое искусство должно отличаться от других искусств не только своей целью, но и своим предметом. Кроме того, если бы какое-либо искусство не имело определенного, своего собственного адекватного предмета, то невозможно было бы, чтобы предписания, касающиеся этого предмета, могли говорить о нем и полностью формировать систему соответствующего данному предмету искусства (Т, С.2, Пр.4, р. 14).

Пять законов касаются материи и формы искусства. Форму системы искусства, отождествляемую, по Кеккермановому образцу, с методом, Тимплер требует не смешивать с ее целью. Но метод он все же понимает несколько иначе, чем Кеккерман. Тимплер более определенно говорит о форме как «*методическом* расположении предписаний искусства», тогда как Кеккерман строит систему по образцу компендиумов. Несмотря на то, что цель искусств состоит в совершенствовании человека, а метод выступает в качестве средства достижения этой цели, сам метод не зависит от произвола человека. Согласно Тимплеру, «методическое расположение предписаний искусства должно зависеть не от свободной воли человека – разнообразной, непостоянной и изменчивой, – а от (1) определенного и неизменного принципа, составляющего природу отчасти самого искусства, отчасти предмета и цели собственного и адекватного реквизита какого-либо искусства и (2) от самой цели, которая определяется замыслом порядка задуманного учения, а именно – сделать наше познание лучше и проще» (Т, Пр.6, р. 18-19). Методическое расположение предписаний, таким образом, не безразлично для познания, оно направлено на то, чтобы сде-

лать наше познание проще и лучше. В такой трактовке метода уже намечается переход от диалектического стиля философствования к методическому.

Среди законов, касающихся материи и формы искусства, одни непосредственно участвуют в формировании системы, а другие, которые излагаются в комментариях и при рассмотрении проблем, направлены на их разъяснение и обоснование. Согласно этому закону, который касается материи искусств, «предписания искусств должны быть истинными, ясными, простыми, полезными, необходимыми и однородными искусству в целом, а также достаточными для исчерпывающего объяснения предмета» (Т, С.2, Pr.5, p. 18). Второй главный закон касается формы искусства. Он гласит о том, что «всякое искусство должно иметь методическое расположение предписаний, состоящее в отчасти обоснованном (*determinata*), отчасти целесообразном (*apta*) и легитимном их согласовании как между собой, так и с природой искусства в целом» (Т, С.2, Th.12, p. 11). Остальные два закона Тимплер считает менее важными. Один говорит о том, что искусство должно быть зеркалом природы, а второй указывает, что скорее искусство, чем природа, должно быть руководителем (Т, С.2, Th.13, p. 11).

Мы видим, что «Технология» Тимплера не ограничивается рассмотрением природы и видов искусств. Главную ее задачу Тимплер видит в том, чтобы сформулировать нормативные принципы, в соответствии с которыми должны формироваться и оцениваться искусства. Нормативный характер, согласно Тимплеру, носят и сами искусства. Но их нормы иного рода. Если нормы технологии призваны сделать наше познание более простым и совершенным, то нормы искусств направлены преимущественно на преобразование природы.

Касаясь вопроса об отношениях искусства и природы, Тимплер в целом соглашается с общим мнением последователей Аристотеля, что «искусство должно быть зеркалом (*aemula*) природы», что «между природой и искусством должна существовать некая аналогия» (Т, С.2, Pr.7, p. 30). Однако в вопросе о том, кто из них должен выступать руководителем, Тимплер с ними расходится. По его мнению, скорее искусство, чем природа, должно быть руководителем (*dux*), «т.к., во-первых, всякое искусство должно заполнять то, чего нет природе; во-вторых, обязанность всякого искусства состоит в том, чтобы предписывать определенные правила и нормы, в соответствии с которыми следует согласовывать действия природы; в-третьих, всякая природа непостоянна, податлива и расположена к погрешностям и ошибкам: тот же, кто руководствуется искусством, действует осмотрительнее и лучше и легче, и менее подвержен ошибкам» (Т, С.2, Pr.8, p. 31). Иначе говоря, искусство должно совершенствовать дела природы и исправлять ее недостатки (Т, С.2, Pr.7, p. 30). Тимплер отходит от созерцательной модели познания, доминировавшей в античной и средневековой философии. Его концепция познания ориентирована на практическое преобразование природы. Природа понимается уже не как существующая сама по себе «система вещей», а как то, что доступно познанию (*res scibilis*). Природа, данная нам в чувственном опыте, несовершенна. Она несовершенна прежде всего в силу несовершенства наших чувств и нашего опыта. Это – «неопределенная природа» (*natura vaga*). Чувства и опыт выступают только как инструментальные причины искусств, конечную цель которых Тимплер видит в том, чтобы продемонстрировать славу Божию, а значит, и силы духа.

Расходится с перипатетиками Тимплер и в вопросе о методе теоретических наук. Забареллу, утверждавшего, что всякой теоретической (*contemplaticem*) дисциплине присущ синтетический метод, а всякой практической (*operatricem*) – аналитический,

он обвиняет в смешении метода открытия искусств с методом формирования и обучения уже открытым искусствам. «В искусствах открытия, – замечает Тимплер, – нужно пользоваться методом или порядком синтетическим, который продвигается от частей к целому, от простого к сложному, от причин к следствиям. В искусствах же формирования и обучения нужно использовать аналитический метод, который движется от целого к частям, от сложного к простому, от следствий к причинам. Поэтому заблуждается Забарелла, когда говорит, что всем теоретическим дисциплинам присущ синтетический метод, а практическим – аналитический. Необходимо, чтобы всякое искусство излагалось аналитическим методом так, чтобы продвигались не только от искусства в целом к его отдельным частям, но также от их предмета в целом, каковым является познаваемая сущность (*ens scibilis*), к его отдельным частям, а поэтому – от рода к видам, от обусловленных вещей (*causata*) к объясняющим их причинам» (Т, С.2, Pr.6, p. 19).

Что касается структуры системы искусств, то все искусства Тимплер, как указывалось, делит на главные (*principales*) и неглавные (*minus principales*). Главными он называет искусства, претендующие на первенство. К ним он относит теологию и философию. Теологию Тимплер определяет как искусство жить благочестиво и блаженно (*pie beateque vivendi*) исходя из слова Божия, а философию – как искусство правильно созерцать и действовать, опираясь на естественный свет человеческого разума (Т, С.3, Th.4-5, p. 21). Оба главных искусства исследуют мудрость, но философия изучает естественную и земную мудрость, а теология – сверхъестественную и небесную (Т, С.3, Pr.4, p. 26).

Главные искусства он делит на первые (*prima*) и производные (*a prima orta*), а первые – на теоретические и практические, в свою очередь распределяемые на общие и специальные. Метафизику Тимплер относит к общим теоретическим искусствам, поскольку она имеет общий предмет, объяснением которого она занимается, а именно, она исследует как все сущее (*ens*), так и не сущее (*non ens*). Кроме того, она является общей с точки зрения использования разума (Т, С.3, Pr.2, p. 24).

К специальным теоретическим искусствам он относит физику и математику (арифметику и геометрию). Они являются специальными как по своему предмету, так и по использованию. Для Тимплера характерно стремление отграничить физику от теологии. «Собственным и адекватным предметом» физики у него является «природное тело (*corpus naturale*), поскольку оно является природным» [Timpler 1607: 11]. Хотя специальные искусства «охватываются» общими искусствами, они отличаются друг от друга. Практические искусства направлены на действие, причем под действием в данном случае, как замечает Тимплер, подразумевается не всякое действие, а только моральное (Т, С.3, Pr.2, p. 24). Поэтому в качестве общего практического искусства у него выступает этика, а экономику и политику он относит к специальным практическим искусствам.

Главные производные искусства он делит на два класса. К первому классу он относит медицину и юриспруденцию, ко второму – физиогномику и оптику. Неглавные искусства Тимплер называет филологическими. Как филология, так и теология охватывается у него философией (*sub Philosophica comprehendendi*) (Т, С.3, Pr.4, p. 27). Включение филологических искусств в философию он объясняет тем, что они, как это видно из их названия, изучают *λόγος* человека, под которым, согласно Тимплеру, можно понимать как разум (*ratio*), так и речь (*oratio*). Поэтому филологические искусства делятся на искусство беседы (*sermocinatrix*), которое обучает преимуще-

ственно речи, и искусство рассуждения (*ratiocinatrix*), которое преимущественно развивает разум (*informat ratio*). Имеющие дело с речью искусства Тимплер делит на первичные (грамматика, риторика) и вторичные (поэтика, музыка), а к искусствам, имеющим дело с рассуждениями, он относит логику и историю. Совокупность свободных искусств Тимплер называет энциклопедией (*ἐγκύκλιος παιδεία*) или «*circulus et orbis doctrinae liberalis*» (Т, С.3, Th.46, р. 23). Энциклопедия представляет собой всеобщую систему искусств, в которой нижестоящие искусства подчинены вышестоящим. «Так, – приводит пример Тимплер, – не только оптика подчинена геометрии, а музыкальное искусство – арифметике, но и медицина подчиняется физике, а юридическое искусство – практической философии; наконец, все специальные искусства подчинены метафизике, как искусству всеохватывающему (*catholicae*) и общему (*generali*)» (Т, С.3, Pr.5, р. 30). Система искусств, таким образом, не представляет собой единой теоретической системы, в которой принципы подчиненных искусств вытекают из принципов главных искусств. Связь между подчиненным и главными искусствами является методической или даже прагматической. Нижестоящие искусства предполагают и используют вышестоящие, но они обладают своей системой принципов, которые не вытекают из принципов метафизики и теологии. Поэтому совокупность внешних искусств, представляя собой некое методически организованное целое, не является системой в том строгом смысле, в каком является системой каждое искусство.

Внутренним свободным искусством Тимплер называет искусство, «развивающее у человека интеллектуальную способность (*habitus intellectualis*), делающее его ученым и способным искусно созерцать или действовать» (Т, С.4, Th.1, р. 30). Под *habitus* в данном месте он понимает «постоянное качество (*qualitatem permanentem*), посредством которого человек предрасполагается действовать хорошо или плохо» (Т, С.4, Pr.1, р. 31). В зависимости от того, приобретается ли эта способность на основе познания лишь одного или же многих искусств, Тимплер делит внутреннее искусство на простое и сложное, а простое – на целостное (*totalis*), которое формируется на основе всех знаний, приобретаемых от некоторого внешнего искусства, и частное (*partialis*). Внутреннее целостное искусство он делит затем на два рода: созерцательное (*contemplativa*) и практическое (*operativa*). Созерцательным он называет такое искусство, которое не имеет никакого отношения к деятельности, а практическим – такое, которое имеет определенное отношение к правильной деятельности (*ad bene operandum*). Последнее Тимплер делит на активное (*activa*), которое имеет своей целью правильное поведение (*bene agendum*), и творческое (*effectiva*), цель которого – научить человека правильно созидать (*bene efficiendum*) (Т, Th.2-12, р. 30).

К сложным внутренним искусствам, которые приобретаются на основе знания многих внешних искусств, Тимплер относит мудрость (*sapientia*) и красноречие (*eloquentia*). Мудрость он определяет как «интеллектуальный навык, благодаря которому человек становится способным хорошо познавать и рассуждать об истинном и ложном, добре и зле» (Т, Th.16, р. 31). Подобно Аристотелю, Тимплер различает теоретическую и практическую мудрость. Теоретическая мудрость приобретается на основании созерцания, а не практической деятельности. Практическая же мудрость направлена на правильное поведение и называется благоразумием (*prudencia*) (Т, Th.19, р. 31). Тимплер приводит основания для разграничения мудрости и благоразумия, наиболее важные из которых следующие:

«1. Так как мудрость состоит в познании истины и лжи, т.е. она является наукой об истинном и ложном. Благоразумие же состоит в познании добра и зла, или, как говорят стоики, оно является наукой о добрых, злых и средних, или нейтральных, поступках.

2. Так как мудрость есть теоретическая способность, а благоразумие – практическая.

3. Так как мудрость может существовать независимо от нравственной добродетели (*virtutem moralem*), практическая же не может, потому что она является руководством для достижения нравственной добродетели (*ad virtutem moralem*), и предписывает для этого определенное средство и определенную норму поведения» (Т, Pr.5, p. 36).

Тот факт, что Тимплер сохраняет понятие науки (*scientia*) за внутренним искусством (*habitus*), свидетельствует о том, что он, во-первых, не смешивает понятие науки и искусства и, во-вторых, не отказывается от аристотелевского понятия науки как *habitus*. Принципиально новым у него является более широкое понимание искусства, по отношению к которому наука выступает как разновидность, а именно, как внутреннее искусство. Понятию науки противопоставляется уже не понятие искусства, а понятие системы, т.е. внешнего искусства. Но это противопоставление не носит взаимоисключающего характера, поскольку определенные интеллектуальные способности формируются посредством внешних искусств. По этой причине любая дисциплина может трактоваться и как искусство, и как наука. Так, согласно Тимплеру, «физика является наукой, поскольку под наукой понимается определенная интеллектуальная способность, т.е. достоверное знание (*notitia certa*) предписаний, составляющих целостную систему. Но она не является наукой, поскольку под ней понимается система предписаний, расположенных методическим образом» [Timpler 1607: 5]. Характеризуя физику и другие дисциплины преимущественно как искусства, Тимплер, очевидно, пытается подчеркнуть их практическую значимость для человека. Именно эта их сторона его интересует больше всего. И в этом он ближе к гуманистам, чем к схоластике.

Метафизика как методическая система

Подобно «Технологии», метафизика Тимплера внешне напоминает средневековые компендиумы: каждая глава начинается с теорем, которые трактуются как предписания, а затем рассматриваются вопросы, разъясняющие смысл этих теорем. Несмотря на это сходство, Тимплер критически относится к философии Аристотеля и его комментаторов. Он считает, что их предписания трактовались пространно, путанно, смутно и несовершенно. В *Посвящении* к своему труду Тимплер обещает, что у него метафизика будет «восстановлена в своей первоначальной форме и приведена к истинному и законному использованию» [Timpler 1616b: 3]². Метафизику Тимплер определяет как «теоретическое искусство, которое трактует обо всем умопостигае-

² Ссылки на это произведение в дальнейшем подаются в круглых скобках с указанием сокращения М (от *Metaphysica*), а также номеров соответствующей книги, главы, проблемы (теоремы) и страницы. Всякий раз, когда некоторые из этих номеров повторяются подряд, в следующих ссылках они опускаются, приводятся же только различающиеся данные (но аббревиатура М приводится всегда).

мом, поскольку оно умопостигаемо человеком на основе естественного света ума без какого-либо понятия материи (M, L.I, Cap.I, Th.1, p. 1).

Такое определение расходится с тем, которое Кеккерман и схоластики давали метафизике. Кеккерман определяет метафизику как «науку о сущем, или о вещи, понимаемой в абсолютном и общем смысле (*absolutè & generaliter acceptae*), которая в этом же смысле называется мудростью и первой философией» [Keckermann, 1611: 17]. Тимплер ясно осознает, что для перипатетиков его характеристика метафизику как искусства «кажется необычной и абсурдной», т.к. она не подпадала ни под одно определение искусства. Действительно, для Аристотеля всякое искусство есть способность созидать на основе правильного суждения (*habitus cum recta ratione efficiendi*), а для Забареллы – «физический труд» (*opus corporeum*). Никто из перипатетиков не считал, что теоретическая наука может быть искусством. И Тимплер не скрывает, что, называя метафизику искусством, он опирается на стоиков, в частности, на Лукиана, который трактовал искусство как «систему (*compages*) определенных и обоснованных предписаний, направленных на достижение какой-либо полезной в жизни цели» (M, Pr.3, p. 5).

Согласно Тимплеру, метафизика одновременно является искусством и наукой, но в разных отношениях: «Она является искусством или в силу того, что является системой (*pro systemate*), или в силу того, что является знанием определенных предписаний, методически расположенных ради достижения какой-либо цели, полезной в человеческой жизни, а не потому, что она является приобретенной способностью к созиданию в соответствии с правильным основанием (*pro habitu cum recta ratione efficiendi*). Наукой же она считается потому, что это слово применяется для обозначения или какого-либо учения о познаваемом, или какой-либо приобретенной интеллектуальной способности, или исключительно теоретической способности, а не потому, что она обладает определенным знанием, способным давать обоснованные заключения. Ведь метафизика, поскольку она существует в душе, есть знание не только заключений, но также принципов» (*ibid.*). Если учесть, что рамистская традиция во многом продолжала традиции стоической диалектики, то Тимплера можно смело причислить если не к рамистам, то к полу-рамистам. Метафизика у него, подобно искусствам, представляет систему предписаний и ориентирована на пользу.

От перипатетиков Тимплер отличается еще и другим: у него, как справедливо замечает У.Г. Лайнсле, метафизика лишь в очень ограниченном смысле может претендовать на то, чтобы служить основанием других искусств [Leinsle 1995: 100]. Неудивительно, что Тимплер предпочитает говорить о пользе метафизику для других искусств, которую он видит, в частности, в том, что она указывает другим наукам их предмет, излагает и оценивает первые принципы других дисциплин, а не доказывает. Польза метафизику для частных наук состоит также в том, что она разлагает вещи, исследуемые в этих науках, вплоть до их высших родов и облегчает студентам изучение других наук. Между различными искусствами вообще и метафизикой в частности существует прагматическая связь. Одни искусства предполагают и используют другие, а все они вместе – метафизику. Совокупность искусств не представляет собой дедуктивную систему, в которой принципы одних искусств выводятся из принципов других искусств и, в конечном счете, из принципов метафизику. Тем не менее, метафизика сохраняет у Тимплера статус фундаментальной теоретической науки и как таковая должна предшествовать другим наукам, но только в порядке обучения (*ordo doctrinae*). В порядке же открытия (*ordo inventionis*) она

должна быть последней, но и в этом отношении метафизика считается «наиболее общей и высшей».

Традиционное определение предмета метафизики («наука о сущем как таковом»; *scientia entis quatenus ens*) Тимплер называет вульгарным. У него метафизика имеет дело только с тем, что познаваемо (*scibile*) или, что то же самое, умопостигаемо (*intelligibile*). В определении метафизики Тимплер включает также характерный для нее способ рассмотрения: она исследует свой предмет, не прибегая к понятию материи и опираясь исключительно на естественный свет ума человека (M, Cap.I, Pr.5, p. 7). От теологии она отличается тем, что является «естественным теоретическим исследованием» (*contemplatio naturalis*), т.е. опирается на естественный свет ума. Разделение философии и теологии привело в конечном счете к тому, что теологию попытались понять и определить как самостоятельную дисциплину [Filsler, 2001: 354]. От частных искусств метафизика отличается тем, что «она исследует все то, что не содержит в своем понятии материи» (M, L.I, Cap.I, Pr.5, p. 7). Этим она сходна с логикой.

Подобно метафизике, логика у Тимплера является «всобщим искусством» (*ars catholica*). В духе рамистской традиции он определяет ее как «свободное искусство, которое трактует о способе хорошо рассуждать о какой-либо теме для достижения познания вещей» [Timpler 1612: 1]. Хотя логика, как и метафизика, формируют ум и рассудок (*mentem & rationem*) человека и руководит познанием всех вещей, она является «всобщим искусством» в ином смысле, чем метафизика. От метафизики логика отличается своей природой (*genere proxima*), своим предметом, целью и своим статусом (*dignitate*). Метафизика по своей природе является «свободным теоретическим искусством», а логика – оперативным (*operatrix*) и созидательным (*effectiva*). Собственным и адекватным предметом логики является способ правильного рассуждения и познания, а метафизики – все умопостигаемое, поскольку оно постигается естественным светом человека и без понятия материи. Цель логики – изложить правильные способы рассуждения и познания, а цель метафизики – объяснить все умопостигаемое, рассмотренное определенным образом. Отличаются они и своим статусом: логика – «спутница и служанка» (*pedissequa & ancilla*) всех остальных дисциплин, а метафизика – их «госпожа и царица» (*domina & regina*) [ibid.: 25]. Взгляд, будто предметом логики является только то, что было создано нашим рассудком (*ens rationis*), а не реальная сущность (*ens reale*), Тимплер считает абсурдным. По его мнению, она точно так же занимается реальными сущностями, как и метафизика [ibid.: 26-27].

От риторики логика отличается тем, что она, во-первых, занимается познанием с точки зрения его истинности и ложности, а риторика – добром и злом, т.е. всем тем, что связано с деятельностью (*omnes res agendas*). Во-вторых, все предписания логики направлены на познание истины и лжи, а риторики – на то, чтобы достичь добра и избежать зла. В-третьих, логика формирует ум или интеллект (*mentem seu intellectum*) человека, а риторика – его волю и настроение (*affectum*). В-четвертых, логика – это точное и научное исследование (*dissertatio accurata & scientifica*), а риторика – это речь или изречение (*oratio seu dictio*), направленное на убеждение противников [ibid.: 28]. Таким образом, в своей трактовке логики Тимплер отграничивается как от схоластиков, которые предмет предмет ограничивали областью «продуктов разума» (*res rationes*), так и от рамистов, которые сближали логику с риторикой. От схоластов он отличается тем, что, подобно Забарелле, пытается четко отграни-

чить логику от метафизики. Но Тимплер сохраняет за метафизикой статус царицы наук. Метафизика имеет своей целью саму себя, а логика – другие науки.

Несмотря на то, что Тимплер ссылается на метафизические и логические труды философов, относящихся к самым разным направлениям (Аристотель, Лукиан, Цицерон, Августин, Пьер де ла Раме (Рамус), Бенедикт Перейра, Юлий Цезарь Скалигер, Франческо Пикколомино, Джакомо Забарелла, Франсиско Суарес и Педро да Фонсека), что дало повод для обвинений его в эклектицизме, вместе с Кеккерманном он фактически заложил основы принципиально нового течения в философии со своими задачами, своей проблематикой, своим концептуальным аппаратом и своей логикой. Рассматривая «систематическое направление» как разновидность перипатетической логики, Вильгельм Риссе указывает на специфические черты новой логики: «В отличие от гуманистической диалектики она в большей мере метафизическая, чем риторическая. В отличие от рамистской эта новая перипатетическая логика является учением о вторичных интенциях (*intentiones secundae*), а не первичных (*intentiones primae*). В отличие от чисто аристотелевской логики XVI в. она является эклектической, а не догматической. И в отличие от схоластической логики она более методична и менее формальна.

Название *систематическое* для этого направления оправдано в двух смыслах. Во-первых, начиная с Кеккерманна, это название стало распространенным первоначально для характеристики научно-теоретической структуры эклектической логики, возникшей на основе аристотелевского и рамистского учения. И хотя это понятие системы противопоставлялось сначала учению о *habitus* последователей Забареллы, все же способ действия, согласно перипатетикам, в современном значении является систематическим, а не, как вообще в XVI в., филологически-критическим и дидактическим [Risse 1964: 440].

Рассматривая метафизику как фундаментальную науку, Тимплер делит ее на общую (*universalis*) и частную (*particularis*). Общая метафизика говорит «об умопостигаемых сущностях или сущностях вообще» (*de intelligibilibus seu entibus in genere*), а частная – «о видах простой сущности» (*de speciebus entis incomplexi*) (M, L.I, Cap.1, Pt.14, p. 21). Как указывалось выше, предметом общей метафизики у Тимплера становится не «сущее само по себе», а познаваемое (*scibile*) или умопостигаемое (*intelligibile*), которое традиционно рассматривалось как атрибут сущего. Даже дружески расположенный к нему Рудольф Гоклений не примет такого нововведения. В своем предисловии к книге он спрашивает «Intelligibile quod?». Гоклений решительно отвергает распространение предмета общей метафизики за пределы сущего, полагая, что сущее и есть умопостигаемое [Lamanna 2014: 144]. Сделав предметом метафизики все познаваемое, Тимплер, по мнению Лайнсле, решительнее, чем это делали Фонсека и Суарес, переориентирует метафизику с бытия на познание. «Не бытие, – пишет он, – является главной целью метафизики, а данный рассудку объект, но тем самым – отношение к познающему. Метафизика в целом разворачивается как истолкование этого отношения между интеллектом и умопостигаемым; она является *ars generalis* также в смысле неподосновности этого отношения» [Leinsle 1985: 361-362].

Эти слова не следует понимать так, будто метафизика у Тимплера занимается проблемами познания (этим занимается только логика или диалектика). Поэтому слишком радикальным кажется утверждение Элизабет Марии Ромпе о том, что здесь уже появляется вопрос о границах человеческой способности познания [см.: Rompe 1968: 295]. И, все же, Тимплер не отрицает огромного значения метафизики

для познания вообще и логики в частности. Он признает, что «орудия познания, которые объясняются в диалектике, большей частью иллюстрируются метафизикой, поскольку она говорит отчасти о сущностях, отчасти о первых и высших родах, отчасти об общих и общепринятых (*generalibus & communibus*) атрибутах, а в первых <родах> о различии и отличии сущностей; наконец, поскольку она объясняет общие принципы, в которых обосновываются логические предписания, касающиеся определения, деления, аргументации и упорядочивания» (М, Pr.10, p. 15). Метафизика объясняет принципы, на которых основываются предписания логики, а потому, по отношению к последней, выступает как фундаментальная наука. Однако логика выступает у него как ближайшая спутница метафизики, уточняющая ее предмет. Сделав предметом метафизики умопостигаемое, а в качестве базового логического принципа – принцип противоречия, Тимплер ограничивает область умопостигаемого сферой возможного, исключая из нее невозможное, которое он, в соответствии с перипетической традицией, определяет как то, что неявно заключает в себе противоречие [см.: Freedmann 2009: 303].

Фундаментальность метафизики Тимплер обосновывает, обращаясь к принципу методического порядка. Интеллигибельное он определяет как «все то, что может быть постигнуто воспринимающим интеллектом» (*omne, quod intellectu percipiæ comprehendendi potest*) (М, Cap.2, Th.3, p. 22). Его он делит на «ничто» (*nihil*) и «нечто» (*aliquid*), называемые «двумя высшими родами» (*duo summa genera*) умопостигаемого. Понятие *aliquid* Тимплер рассматривает как более общее, чем *ens*.³ Если «нечто» является умопостигаемым «само по себе, т.е. в собственном смысле слова» (*per propriam notionem*), то «ничто» – «согласно случайному признаку, т.е. по понятию другого» (*per accidens, hoc est per notionem alterius*) (М, C.1, Pr.1, p. 23). У Тимплера «ничто» умопостигаемо только как «высший род» всех умопостигаемых предметов, а не само по себе. Эти две категории умопостигаемого он рассматривает как соотносительные и контрдикторные. «Ничто» Тимплер определяет как то, что не есть «нечто», а «нечто» – как то, что не есть «ничто».

Включив в область умопостигаемого «ничто», Тимплер тем самым существенно расширил границы умопостигаемого. Немецкому философу принципиально важно было доказать, что пара категорий «ничто» и «нечто» не совпадает с оппозицией традиционной метафизики «сущее» (*ens*) и «не сущее» (*non ens*). Из того, что предметом метафизики является не *ens* (сущее), а умопостигаемое, вытекает, что метафизика должна сначала понять *nihil* (ничто), пусть и не само по себе, а *per accidens*. Именно поэтому метафизика становится последней в плане познания. Тем не менее, отыскание последних оснований умопостигаемого является задачей именно метафизики. В качестве такого последнего основания умопостигаемого у Тимплера и выступает «ничто». Как указывает Вундт, без «ничто» нельзя было бы понять такие важные правила, как закон противоречия, «из ничего ничего не возникает» и др. [см.: Wundt 1992: 76].

Категории «ничто» и «нечто», таким образом, выступают как последняя предпосылка всего, что умопостигаемо. Согласно Тимплеру, «ничто» должно быть умопостигаемым, а «нечто» – возникать из него. «Если нечто не возникает», – пишет Тим-

3 Марко Ламанна видит здесь влияние Педро Фонсеки, выдвинувшего гипотезу о том, что понятие *ens* может подчиняться понятию *aliquid* [Lamanna 2016: 135]. Марко Старби, напротив, видит в этом влияние рамиестской традиции [Sgarbi 2013: 144].

плер, – «то многие философские принципы, которые состоят из этих терминов, мы не сможем понять. К ним относятся такого рода принципы: “Все, что есть, есть или от ничто, или от нечто, или из ничто, или из нечто”, “Из ничего ничего не возникает”, “Нечто не может раствориться в ничто: между ничто и нечто нет никакой пропорции”. Но т.к. это было бы абсурдным и противоречило бы здравому рассудку человека, то из всего этого следует следать вывод, что “ничто” умопостигаемо» (М, С.1, Рг.1, р. 23).

«Ничто» и «нечто» выступают как два аспекта (отрицательный и положительный) умопостигаемого, а не как предпосылки всего сущего. Ни одно тело, согласно Тимплером, не может естественным образом возникнуть из ничто или в ничто раствориться (М, С.1, Рг.4, р. 25). У него речь идет не о системе природы, а о разворачивании методической системы предпосылок умопостигаемого. Так, разделив «нечто» на сущность (*essentia*) и сущее (*ens*), Тимплер отдает первенство не сущему, а сущности, поскольку сущее познается через сущность. Ей принадлежит первенство и в плане онтологии. Сущность (*essentia*) Тимплер определяет как «то, благодаря чему *ens* есть то, чем оно является» (М, С.1, Рг.6, р. 26). Таким образом, основными принципами философии у него являются не *ens* и *non ens*, а *nihil* и *essentia*, и вся система категорий разворачивается из них как система познаваемого и умопостигаемого.

Заключение

Идея методической системы философии – главный вклад Тимплера в разработку философского понятия системы. Она состояла в том, чтобы представить все виды знания в виде такой последовательности, в которой всякое предшествующее знание выступало бы в качестве условия понимания последующего. Поставив вопрос о последних основаниях умопостигаемого, Тимплер существенным образом расширил понятие системы. Для него система уже не просто система предписаний, как это было у Кеккермана, который этого вопроса не ставил, а система умопостигаемого. Благодаря этому Тимплеру удастся вернуть метафизике статус фундаментальной науки. Она сохраняет этот статус даже по отношению к логике, поскольку формулировка основных принципов и правил логики предполагает знание основных категорий метафизики. Метафизика выступает при этом как система категорий, где каждая последующая категория предполагает предыдущую с точки зрения понимания: без «ничто» мы не можем понять «нечто», а без этих категорий – категории «сущее», «сущность», «вещь» и т.д.

Тимплер вносит и другие важные уточнения в понятие системы. Он, во-первых, требует разграничивать понятие системы и науки, и, связав понятие системы с внешним искусством, в гораздо большей мере, чем Кеккерман и перипатетики, подчеркивает практическую направленность систем. Во-вторых, вычленив из состава системы «технологию», в задачу которой входит исследование природы, предмета, структуры, общих правил и норм построения систем, Тимплер не только разграничивает общие нормы технологии, обязательные для всех систем, и конкретные предписания систем, но ограничивает функции системы предписаний формированием и оценкой конкретных искусств. В-третьих, Тимплер требует разграничивать понятие «системы» и «энциклопедии», в которой связь искусств не определяется единой системой предписаний, а скорее носит прагматический характер. В-четвертых, энциклопедии искусств он предпосылает в качестве фундаментальной науки метафизику, которую он в духе перипатетической традиции представляет как систему категорий. Однако,

сделав предметом метафизики умопостигаемое, Тимплер трактует категории уже не как роды бытия, а как последние основания (роды) умопостигаемого. Поскольку между категориями устанавливается вполне определенная методическая связь, то мы можем говорить о принципиально ином понимании системы, чем то, которое мы используем по отношению к другим искусствам.

Таким образом, хотя Тимплер использует понятие системы преимущественно по отношению к внешним искусствам, мы находим у него несколько пониманий системы: система внешних искусств (система предписаний), система наук (система приобретенных способностей), энциклопедия (система искусств) и метафизика (система категорий). Несмотря на многообразие пониманий системы, инспирированное разными философско-методологическими традициями, мы можем говорить о новом, систематическом направлении в философии, отличном как от традиционных направлений, так и от синкретизма и эклектизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Catana, L. (2008) *The historiographical Concept 'System of Philosophy'. Its Origin, Nature, Influence and Legitimacy*. Leiden-Boston: Brill.
- Filser, H. (2001). *Dogma, Dogmen, Dogmatik. Eine Untersuchung zur Begründung und zur Entstehungsgeschichte einer theologischen Disziplin von der Reformation bis zur Spätaufklärung*. Münster: Lit.
- Freedman, J. S. (2009). Necessity, Contingency, Impossibility, Possibility, and modal Enunciations within the Writings of Clemens Timpler (1563/4-1624). In M. Mulsow (Hrsg.), *Spätrenaissance-Philosophie in Deutschland 1570-1650: Humanismus und Konfessionalisierung, okkulten Traditionen und Schulmetaphysik* (S. 293-319). Tübingen: Niemeyer.
- Keckermann, B. (1611). *Scientiae metaphysicae compendiosum systema*. Hanoviae: Apud Guilielmum Antonium.
- Lamanna, M. (2014). Ontology between Goclenius and Suárez. In L. Novak (Ed.), *Suárez's Metaphysics in its Historical and Systematic Context* (pp. 135-152). Berlin & New York: De Gruyter.
- Leinsle, U. G. (1985). *Das Ding und die Methode. Methodische Konstitution und Gegenstand der frühen protestantischen Metaphysik. 2 Bände*. Augsburg: Maro Verlag.
- Leinsle, U. G. (1995). Wissenschaftstheorie oder Metaphysik als Grundlage der Enzyklopädie? In F. M. Eybl, & W. Harms (Hrsg.), *Enzyklopädien der Frühen Neuzeit. Beiträge zu ihrer Erforschung* (S. 98-119). Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Risse, W. (1964). *Die Logik der Neuzeit, Bd. I: 1500-1640*. Stuttgart-Bad Canstatt: Friedrich Fromann.
- Rompe, E. M. (1968). *Die Trennung von Ontologie und Metaphysik: der Ablösungsprozess und seine Motivierung bei Benedictus Pereirius und anderen Denkern des 16. Und 17. Jahrhunderts*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität.
- Schmidt-Biggemann, W. (1983). *Topica universalis. Eine Modellgeschichte humanistischer und barocker Wissenschaft*. Hamburg: Felix Meiner.
- Sgarbi, M. (2013). *The Aristotelian Tradition and the Rise of British Empiricism: Logic and Epistemology in the British Isles (1570-1689)*. Dordrecht: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-4951-1>
- Timpler, C. (1607). *Physicae seu Philosophiae naturalis systema methodicum, in tres partes digestum. Pars prima, complectens physicam generalem*. Hanoviae: Apud Guilielmum Antonium.
- Timpler, C. (1612). *Logicae systema methodicum libris V. comprehensum, in quo univversus bene disserendi et sciendi modus, tam generatim, quam speciatim, per praecepta et quaestiones breviter et dilucide explicatur*. Hanoviae: Typis Haeredum Guiljelmi Antonii.

- Timpler, C. (1616a). *Technologia, seu Tractatus Generalis, de natura & differentiis atrium liberalium*. In C. Timpler, *Metaphysicae systema methodicum, Libris quinque per theoremata et problemata selecta concinnatum*. Hanoviae: Apud Petrum Antonium.
- Timpler, C. (1616b). *Metaphysica*. In C. Timpler, *Metaphysicae systema methodicum, Libris quinque per theoremata et problemata selecta concinnatum*. Hanoviae: Apud Petrum Antonium.
- Wundt, M. (1992). *Die deutsche Schulmetaphysik des 17. Jahrhunderts*. Hildesheim & New York: Georg Olms..

Получено / Received 4.07.2016

Sergii Secundant

Formation of the Philosophical Concept of System in Modern Time Philosophy: Clemens Timpler

The paper shows Timpler's contribution to development of a philosophical concept of system. The author proves that in this area Timpler has made the following important innovations: (1) Differentiation of the concepts of science and system. Identifying system with external art, Timpler emphasizes thereby a practical importance of the theoretical knowledge too. (2) He premises to system in strict sense the so-called "technology" which assumes some traditional functions of metaphysics. "Technology" treats about the nature and structure of arts, and also formulates the normative principles according to which any system is to be built. (3) He preserves the fundamental nature of metaphysics and significantly expands its subject. According to Timpler, the subject of metaphysics is not being, but intelligible. The metaphysical categories are considered by him not as kinds of being, but as ultimate bases of the intelligible. (4) Though he keeps Keckerman's concept of system as system of instructions, the metaphysics is represented as system of the categories located in a methodical order. (5) Metaphysical categories are considered by him not as arts of beings, but as the last bases of intelligible. Categories determine the last principles of all intelligible. The author marks out four understandings of system at Timpler: as system of external arts (system of instructions; this understanding is the basic), as system of sciences (system of the acquired dispositions), as encyclopedia (system of arts) and as system of categories (metaphysics). Despite influence of neo-scholastics, ramisme, peripateticism and other methodological traditions, in this case one can tell about forming of new methodological direction in the philosophy of XVII century, namely "systematic direction" differing from syncretism and eclecticism.

Sergiy Secundant, Doctor of sciences in philosophy, associated professor of Department of Philosophy and Grounds of Humanities at I. Mechnikov Odessa National University.

Сергій Секундант, д. філос. н., доцент кафедри філософії та основ загальногуманітарного знання Одеського національного університету ім. І. Мечникова.

Сергей Секундант, д. филос. н., доцент кафедры философии и основ общегуманитарного знания Одесского национального университета им. И. Мечникова.

e-mail: secund@inbox.ru
